



Сгоревшему на Огненной дуге

Мой брат Лев Биринцев погиб на второй день танкового сражения на Курской дуге – 13 июля 1943 года. Видимо, погиб весь экипаж, так как никто из танкистов не написал родителям. Через сорок дней, 21 августа 43-го, ему бы исполнилось 19 лет...

ВСЕ ОНИ — ГЕРОИ

Когда началась война, мне было четыре с половиной года. Удивительно, но я помню, как девятилетняя сестренка объяснила мне, что «на войне будут убивать пап, а мам и детей убивать не будут», и я успокоился. А в августе семнадцатилетний Лев ушел в армию. Мы с мамой долго-долго махали руками отъезжающему от нас на мотовозе Лёвшуке, а он махал нам... Мы не знали тогда, что прощались навсегда.

Брат был определен в авиационное училище в Кургане, где готовили авиамехаников. В 1943 году, когда формировался Уральский добровольческий танковый корпус, его перевели в танковую часть водителем танка. Формально — «по состоянию здоровья», после тяжелой пневмонии. Он сообщал, что экипаж состоит из ребят-уральцев. Позднее, с Воронежского фронта, Лёвшука писал: «Получил свою грозную машину, поезду гусеницей врага давить...». Описывал он также, как опустошена, разграблена воронежская земля после немецкой оккупации. К сожалению, 39 его фронтных писем утрачены при нелепых обстоятельствах...

Отца же в 1942 году демобилизовали из армии по болезни. Читая газетные сообщения летом 1943 года, он говорил: «На фронтах затишье, к чему-то большому готовятся». Спустя десятилетия очевидцы тех событий писали, что в июльские дни 43-го перед битвой на Курской дуге стояла насторожённая тишина, словно перед грозой.

Позднее отец разъяснил нам, что, начиная с 5 июля, наши войска вели тяжелые оборонительные бои. Видимо, именно в этот период Лёвшука писал своему дяде Паше (тоже фронтовику) короткую записку: «Выполняем сталинский приказ «Ни шагу назад!».

Утром 12 июля разразилось невиданное по масштабам танковое сражение на Прохоровском поле — эпицентре величайшей в истории Курской битвы. Земля стонала и гудела от разрывов снарядов и грохота стали, пыль и дым застилали солнце. Всюду кипели яростные схватки: танки шли на таран, вели огонь с предельно близких расстояний, между ним врупкопашную сходились экипажи зоревшихся машин. От достигнутых рубежей танки не отходили. Столкнулись две гигантские силы, две воли, две идеологии, одна из которых неотвратимо должна была надломиться и отступить.

Бились 50 дней и ночей, и огненным стало то лето... Тогда мы победили ценой восьмисот тысяч жизней наших солдат. С тех пор немецкая армия ни шагу не продвинулась на восток.

Все участники этой битвы — герои, известные и неизвестные, прославленные и потерянные в истории. Каждый достоин вечной памяти и народного уважения. Многим не суждено было дожить до победы в этом сражении.

Не дожид и наш Лёвшука. Он погиб, защищая свою страну, свою землю, меня, сестру, маму. У него, такого красивого, высокого, доброго, даже девушки не было, он не успел познать счастье любви. Какая невероятная боль в сердце... Вместе с ним погубило его будущее, в которое ему так хотелось верить, ведь он был ещё совсем мальчишкой!

ГОРЕ И НАДЕЖДА

После Курской битвы мы перестали получать письма от Лёвшуки. Помню, с каким напряжением родители ждали их. Маме снились вещие сны. В день гибели сына приснился сокол в небе, подбитый, упавший на землю.

КОГДА началась война, моей прабабушке было 10 лет. «Недалеко от нашего дома висел рупор, — вспоминает Роза Михайловна Подгорнова (Таланкина). — Утром нам объявили, что началась война. Весть разлетелась очень быстро. Мама отравила нас, ребяташек, купить продуктов, про запас. Мы с братом прибежали, а магазин — закрыт». Продуктовый закрыли специально, чтобы паники не было.

ОТ ГОЛОДА СПАСАЛ ЛЕС
В годы войны все жили очень бедно, налоги платили продовольствием. ЕСТЬ курсы — носи яйца, ешь корова — сдавай молоко. Нет кур — молока сдавай в два раза больше.

В семье Таланкиных была корова — единственная кормилица. А ребяташек — шестеро. Ежедневно мама выставляла на стол по картофелине и стакану молока каждому ребёнку.

Спасал от голода лес. Обуви практически не было, летом в лес ходили босиком. Утром уйдут ребяташки за грибами да ягодами, вечером придут — ноги истоптаны в кровь.

Какие вокруг Верхнего Тагила были людские места! Собирали черёмуху, бруснику, рябину, малину, костянику. За малиной, правда, детиска приходилось ходить за 15 километров. Но ходили, хотя было им по 10-12 лет.

Жили ещё и тем, что продавали овощи на рынке в Кировграде. На вырученные деньги покупали хлеб. По стоимости одна буханка была равна ведру картошки.



Она рассказала со (а в тот день утонул в реке председатель сельсовета) и объяснила, что он, видимо, приснился к её гибели.

Отец с нетерпением ждал газеты. В сентябре его вдруг вызвали в сельсовет и там вручили похоронку. Вернувшись, папа не нашёл в себе сил сказать нам о гибели дорогого и любимого Лёвшуки. Мама тревожно спросила: «Зачем вызвали?» — «Отчёт составил неверно», — ответил папа. Мама сомневалась, тревожилась. Когда мы копали в огороде картошку, она послала меня в дом посмотреть, чем занят отец. Тот перечитывал письма брата, а потом писал что-то на жёлтой бумаге и «пыжтел», видимо, плакал.

Вечером он ушёл на приём больных в медпункт через дорогу, а мама нашла в шкафу исписанный лист бумаги и дала его прочитать сестре. Это было письмо отца брату-фронтовику (дяде Паше). Он писал: «Да, брат, потерял я своего единственного и любимого сына». Мы громко заплакали в голос, папка услышал, всё понял и вернулся. Молча прошёл к столу, достал из ящика похоронку, прочитал её вслух и тоже горько заплакал. Единственный раз я видела отца плачущим.

Позднее он же запрос в воинскую часть пришёл отъезд. Отец прочитал его вслух над керосиновой лампой. Очень нервничал, дрожали руки, даже бумага обгорела. Извещением было по сути копией похоронки. В нём сообщалось, что Биринцев Лев Николаевич погиб геройской смертью в боях за Родину и похоронен в селе Шипы Беленинского района Курской области. Гораздо позднее из переписки с военкоматом мы узнали, что в 1951 году сделали перезахоронение из одиночных могил в более крупное, и Биринцев Лев стал числиться за братской могилкой в селе Ржавец Курской области.

Но родители вопреки всему надеялись на чудо. Отец собирался объехать существующие в стране в послевоенные годы дома для инвалидов — участников войны, говорил: «Я узнаю Льва в любом состоянии и виде, даже если он будет изуродован и обожжён». Конечно, отец — безденежный инвалид с большими ногами и жалкой пенсией не мог осуществить свой план.

Примерно в 1957-58-х годах в «Комсомольской правде» была заметка о том, что в одном из домов отдыха работает истопником молодой мужчина, высокий и голубоглазый, не говорящий. Он не помнил о прошлом, не знал своего имени, все звали его Иваном. Когда в воздухе летел самолёт, Иван долго смотрел в небо, а когда самолёт исчезал из виду, садился на пенёк и рисовал схемы и рычаги. Я до сих пор упрекаю себя, что не написала тогда в тот дом отдыха, не узнала подробности, ведь Лев сначала учился в лётном училище. И была у него индивидуальная примета: на левом колене большое родимое пятно. Сегодня, спустя более полувка после той публикации, мне всё кажется, что это мог быть Лёвшука...

ЗАКЛИНАЮ — ПОМНИТЕ!

В феврале 1980 года я отдыхала в Марьино Курской области. От неё в 50-е годы была отделена Белгородская область, куда отошёл Прохоровский район вместе с деревней Прохоровкой. Я ездил на местам боёв.

Добравшись до Курска, едва успела на автобус, села и сама не знаю, что со мной случилось: я три часа непрерывно плакала. Слезы текли обильные, но не тяжёлые, а радостные, как будто в предчувствии долгожданной встречи.

Но одновременно и острая боль сжимала сердце: к сожалению, я ехала туда через много лет после смерти родителей, которые так и не ощутили после желанного съезда на могилу любимого сына.

Экскурсовод рассказывала, автобус ехал по автострате Москва — Симферополь. По пути — памятник лётчикам, сапёрам, комсомольцам. Ехали мы в Белгород мимо Прохоровского поля, заснеженного, спокойного, величавого. Не отличить от других российских снежных просторов, если не знаешь...

В то время здесь ещё не было мемориального музейного комплекса. В самой Прохоровке — только общее захоронение без памятного знака, без упоминания имён и фамилий погибших. К великой моей печали я так и не побывала на братской могиле, где похоронен Лёвшука: село Ржавец осталось в стороне от нашего маршрута.

Только в начале 90-х годов началось строительство памятника на Прохоровском поле. А 5 мая 1995 года «Российская газета» сообщила, что накануне в районном центре Прохоровка Патриарх Московский и всея Руси Алексий II совершил торжественный акт освящения нового храма апостолов Петра и Павла. Внутри на мармориных настенных плитах начертаны сотни тысяч имён солдат, створенных в аду самого грандиозного в истории человечества танкового сражения. Среди них должно быть и имя моего брата. Я всегда считала своим долгом съездить с детьми и внуками по местам его боевой славы. Не получилось пока. Получится ли? Успешно ли?

Люди! Если кто-то будет в этих местах, не забудьте захватить с собой основную веточку с Урала (её легко сохранить). Постарайтесь отыскать в том храме имя Льва Биринцева (в похоронке фамилия написана с ошибкой — Биринцев, дата рождения и смерти — 21 августа 1924 года — 13 июля 1943-го). Постойте молча, отдавая дань уважения сгоревшим на Огненной дуге, положите уральскую веточку как символ малой родины, где Лёвшука родился и вырос, защитите свечу.

«Нельзя научиться любить живых, если не умеешь хранить память о мёртвых» (маршал К.Рокоссовский). Я всегда помню Лёвшуку таким, каким он был в моём детстве: высоким, светловолосым, красивым...

Римма КАЛУГИНА.

г. Екатеринбург. НА СНИМКЕ: 1937 год: Лёвшука ещё школьник. Фото из семейного архива Риммы КАЛУГИНОЙ.

Как в Великую Отечественную наши отцы и деды воевали, как рисковали жизнью, не думая о награде, как обычные люди в один страшный переломный момент становились героями и совершали необыкновенно смелые поступки — об этом немало написано, снято фильмов, об этом рассказывают детям в школе. Реже вспоминают о том, что в эти бесконечные четыре военных года люди не только убивали, но и бесконечно любили и дарили жизнь, будто споря со смертью...



Они встретились в Ростове-на-Дону за три месяца до войны. На танцы в медицинском техникуме, где она училась на фельдшера-акушера, пришли курсанты артиллерийского училища. Очаровательная смешливая девочка и статный красавец, похожий на киноактёра, сразу заметили друг друга. Маше Гармашевой было 19, Мише Пищулину — 22. Они ещё не догадывались, что судьба свела их не случайно.

Началась война, и Маша в числе прочих подала заявление в военкомат о желании идти на фронт. После недолгой подготовки в учебно-распределительном пункте в Грозном, где научили обращаться с оружием, преподали азы военного ремесла, лейтенант медицинской службы попала на западный фронт в составе 19-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона. Михаил, тоже лейтенант, попал туда же.

В январе 42-го их дивизион подтянули к Сталинграду, влили в 83-й артиллерийский полк 6-го стрелкового корпуса, и начались бои. При температуре, опускавшейся ночью до -40 градусов, невозможно было даже окопаться. Немецкие бомбардировщики и штурмовики не только сбрасывали сотни бомб на головы наших бойцов, но и устранили охоту на отдельные огневые точки. Убитых не успевали хоронить, а раненых удавалось вынести с полей сражений только под покровом ночи. К лету бои уже стихли, участники налёты вражеской авиации. Зенитные расчёты, как могли, противостояли атакам с воздуха, но на место одного сбитого самолёта прилетали несколько новых.

Михаила и Марию разлучило, но из виду друг друга они старались не терять, узнавали из писем родителей, кто где находится.

А 25 июля её ранило в одном из боёв. Кинувшись к раненому зенитчику, чтобы оказать первую помощь, она сама попала в переплёт: взрывной волной девушку отбросило на станину орудия. Ударившись спиной и головой, она рефлекторно прижала к груди сумку с меди-

каментами. Теряя сознание, успела почувствовать, как в тело впираются осколки... Как сказал потом врач, эта сумка её и спасла.

Санструктор спешно погрузил «дочку» в машину, выскочил на трассу Сталинград — Камышин, за флягу спирта договорился с водителем проезжавшей машины, чтобы тот спешно отвёз её к санитарному поезду. За пятнадцать минут до отправки успели погрузить бесчувственную девушку в пер-

вазоне. Теряя сознание, успела почувствовать, как в тело впираются осколки... Как сказал потом врач, эта сумка её и спасла.

Таких из вновь свела судьба, и решили больше не расставаться. Но из госпиталя, где она работала, отпустить не хотели. Генерал, к которому Михаил обратился с просьбой направить Машу к нему в полк, отказал, даже штрафбатом пригрозил.

А дальше, как в приключенческом романе: переоделись, ночью, тайком добрались до близлежащего города, откуда — в Мишин полк.

Так и прошли остаток войны — вместе. Ельня, Белоруссия, 3-й Белорусский фронт, 2-й Украинский, потом Прибалтика, Восточная Пруссия. Она служила фельдшером, он — начальником штаба артиллерийского полка. Дошли до Победы.

Но до мирной жизни дома было ещё далеко. 1946 год встретили в Кёнигсберге: после выхода из города основных войск полк оставили для помощи населению.

Демобилизовались только 27 июня 1946 года, вернулись домой, в Ростов-на-Дону, а в 47-м сыграли свадьбу, родились сын. Потом жили в Киргизии, а в 1956 году семья Пищулиных осела в Свердловском-45 (ныне — город Лесной). Михаил Иванович стал начальником отдела в милиции, а Мария Фёдоровна — главной медсестрой в медсанчасти.

...Он умер очень рано, в 45 лет, — не выдержало сердце, дали о себе знать контузия, ранения. Глядя на его молодое лицо на пожелтевшей фотографии, она до сих пор с огромной любовью и нежностью вспоминает об их фронтовой любви.

Елена ВИНОГРАДОВА. НА СНИМКАХ: Миша и Маша — фронтовая юность; М.Шиврина (Гармашева), капитан медицинской службы в запасе.

Фото из семейного архива М.Шивриной.

Про маленькую Розу

Обычно на базар ходили торговать дети. Отец был на работе, мать тоже. Но однажды маме Розы пришлось пойти торговать морковью.

Через какое-то время она приехала домой без моркови и денег и начала причитать:

—Ох, отец, я ведь без денег приехала! —Ну приехала и приехала. Сама жива — и то хорошо, — сказал муж, решив, что её ограбили.

—Да нет, отец, я морковь не продала, а раздала ребяташкам. Жалко мне их, голых да оборванных.

В те времена на базарах часто слышались бездомные дети. Роза со своими братьями-сестрами не давали спуска беспризорникам, а жалостливая мама не удержалась.

—Ну, что ж теперь, раздала так раздала, — ответил отец.

ОМЛЕТКИ
Не принято тогда было жаловаться на жизненные трудности, даже детям. Был так случай. В годы войны отец работал кузнецом, получал карточки на заводе. Однажды он решил накопить карточек, чтобы обменять их на лакомство — омлетки, сделанные из яичного порошка. Он дал Розе талоны и послал в Белоречку отоварить их.

В Белоречке жила родственница — тётя Мама. «У неё и поешь», — сказала Розе. Тёзка эта, надо сказать, была очень вредная. Гости не привечала и вообще

отличалась неласковостью. Хотя жила неплохо. По крайней мере, по военным временам стол всегда был накрыт богато.

И вот стоит маленькая Роза на пороге тётиного дома, видит стол — чугунный с варёной картошкой, крынка молока, а главное — булка ароматного хлеба... А тётка вынесла ей только две маленькие картошкины, молока на две стакана и отправила домой.

Дома, конечно же, омлет ей не достался. Все считали, что тётя накормила. Вышла Роза во двор, наревелась досыта от обиды, но родителям так и не сказала, что голодная. Не принято было жаловаться.

До сих пор вспоминает прабабушка эти омлетки как символ голодного военного времени.

СЫНА НАДО ОТПЕТЬ
Помнит бабушка, как все ждали собою из Москвы, как радовались, когда Левитан объявил, что освобождены города Орёл и Белгород. Какое это было счастье! Ребяташки бегали по дворам и кричали: «Наши победили!»

Но победный 45-й год омрачил счастье семьи Таланкиных: погиб на сопках Маньчжурии старший брат Александр.

С фронта о гибели Сашки написал его друг. Похоронка пришла позднее. Родители не хотели верить ни письму, ни похоронке и ещё долго ждали возвращения Шурки. Но однажды отец, Михаил Константинович, поднимаясь в гору в Верхнем Тагиле, услышал свист. остано-

Елена ПОДГОРНОВА. ученица 5 класса.

г. Новоуральск.

После свадьбы — на фронт

Своего двоюродного дедушку, Дмитрия Алексеевича Веселова, мой отец помнит очень хорошо. «Когда я был маленьким, всё время у деду Мити с бабушкой Галей проводил, — рассказывает папа. — Особенно мне запомнилось, как каждый вечер, как только начиналась телевизионная программа «Время», он бросал все дела и внимательно, даже с жадностью, смотрел передачу».

К сожалению, к такой тихой семейной идиллии Веселовы пришли не сразу. Достаточно сказать, что Дмитрий и Галина сыграли свадьбу 21 июня 1941 года. На следующий день началась война, и главу семьи забрала в армию

Почему молчите, Галя?
Будучи на фронте, молодой муж очень сильно переживал. «У него все письма, как под копирку, — говорит папа. — «Галя, вы почему мне не пишете? Я вам всё время пишу, а вы молчите! Видимо, так вы меня любите!». И таких — целая стопка».

Переживания Дмитрия были напрасны — жена про него не забыла. Просто военная почта работала не так хорошо, и не все письма доходили. Весточки мужа Галина хранила всю жизнь — так они дошли и до нас.

Примечательно, что в письмах Дмитрий обращался к жене исключительно на «вы». Вот одно из них:

Проверено воинской цензурой 688
Письмо от 1-го марта 1942 года.
«Добрый день! Здравствуй, многоуважаемая жена Галя, папа, мама, Витя. С приветом к вам Митя! В первых строках моего письма спешу уведомить вас, что я жив и здоров, того и вам желаю. Ещё сообщаю, что письмо ваше, которое писала мама пятого февраля, получил первого марта. Жена, видимо, начинает забывать — за пять месяцев получил от неё одно письмо. Конечно, до некоторой степени меня и тревожит, что вы редко пишете, но волноваться не приходится. Я ставлю своей задачей

бить врага без всякой пощады, не жалеть своей крови и жизни, чтобы быстрее его уничтожить.

Многоуважаемые папа, мама и жена, вы пишете, что хлопочут в отношении продуктов. Так тут ничего не сделаешь. Одержим победу, разобьем врага — будем жить по-старому.

Передайте мой пламенный привет Наде, Гене, Топе, Томе, Коле, Феде, Ване, и вообще всем дядюшкам и тётюшкам, всем родным и знакомым.
Пока до свидания, остаюсь жив и здоров, того и вам желаю. Пишите письма чаще.
С крепким заочным поцелуем Ваш муж».
Прадедушка ничего не писал о службе. Проследить по письмам, где он воевал, невозможно. А может, цензура всё вырезала.

МЕДАЛИ ГОРДИЛСЯ
Дмитрий был танкистом. До войны даже на машине ездить не умел, а тут — сразу на танк. Дослужился до

младшего лейтенанта, был командиром танка КВ.

Прослужил недолго, чуть больше года. В битве под Сталинградом загорея его танк. Веселов был ранен в правую руку, ещё немного — и КВ мог взорваться... Но командир сумел вырваться из горящей боевой машины. Попал в госпиталь, потом — комиссовали. На войну больше не вернулся.

За этот бой Дмитрия Веселова наградили медалью «За отвагу». Прадедушка очень гордился — эту награду на войне называли «солдатским орденом».

А повреждённая рука напоминала о том бое всю жизнь. До самой смерти прадеда мучали боли в плече.

СПАСИБО ПРАДЕДУ
После войны Дмитрий Васильевич работал начальником отдела кадров на заводе феррославо в Серове. В семье Веселовых из четверых братьев-фронтовиков трое остались живы.

В четвёртом классе папа привёл своего двоюродного деда Митю в

школу. Тот рассказывал ребятам о войне несколько официальным языком, но любил и пошутить. В рассказе часто упоминал сослуживцев.

Папа помнит, что прадедушка был очень добрый. Все дети его любили, а своих ребяташек Веселовы так и не завели...

Я прадеда Митю почти не помню. Но у нас есть несколько видеозаписей, где я сижу у него на коленях за столом во время какого-то праздника. Вся семья в сборе, мама с бабушкой приготовили много вкусного, взрослые что-то поют под гитару...

Иногда страшно становится, что всего этого могло не быть. Ни весёлого застолья до самой ночи, ни счастливых родителей и дедушек, ни нас, маленьких внуков и правнуков, сидящих у них на коленях...

Спасибо прадеду за Победу.

Михаил ЛОМАЕВ.

НА СНИМКЕ: Дмитрий Веселов во время войны. Фото из архива семьи Ломаяевых.

